

но было признать правильной: настолько въ этомъ случаѣ «анекдотъ» Пушкина будетъ несоответствовать всему, что мы знаемъ о Булгаринѣ и объ отношеніи Пушкина къ Булгарину.

По своему характеру этотъ послѣдній всегда былъ «большимъ забіякой», — такимъ его въ одинъ годъ рисуютъ современники. Въ «Домѣ сумасшедшихъ» Воейковъ его называетъ «забіякой съ рыломъ москвичьимъ своимъ». Н. А. Бестужевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Булгарину говорить о немъ, какъ о человѣкѣ, «который каждую минуту готовъ обидѣть человѣка ни за что ни про что». Но тѣ же свидѣтели сходятся въ томъ, что этотъ «большой забіяка» отнюдь не былъ героемъ, когда дѣло отъ «при словестной» переходило въ болѣе серьезную стадію. Даже Гречъ, — другъ и соратникъ Булгарина, — признаетъ, что большой личной храбростью Булгаринъ не обладалъ «Съ полкомъ своимъ, — пишетъ Гречъ про Булгарина, — онъ былъ на походахъ 1806, 1806 и 1807 годовъ, и хотя впоследствии рассказывалъ о своихъ геройскихъ подвигахъ, но, по словамъ его тогдашнихъ сослуживцевъ, — между прочимъ ген. Иселина, — храбрость не была въ числѣ его добродѣтелей: частенько, когда наклеивалось сраженіе, онъ старался быть дежурнымъ по конюшнѣ». Эти свои таланты военнаго времени Булгаринъ перенесъ и на мирную обстановку, и когда конфликты, вызванные его нападками и грубостью, по обычаю того времени, грозили довести до дуэли, Булгаринъ всегда укрывался отъ ответственности, предоставляя современникамъ вос-

хищаться его «завиднымъ нравомъ»:

Онъ у насъ восьмое чудо,
У него завидный нравъ:
Неподкупенъ, какъ Иуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ.

Къ тому времени, когда онъ записывалъ свой «анекдотъ», — это было въ серединѣ 1830-хъ годовъ, — Пушкинъ уже превосходно зналъ, кто такой Булгаринъ, и не могъ изобразить его человѣкомъ, одержавшимъ моральную побѣду въ столкновеніи съ Дельвигомъ, — а именно такимъ его рисуетъ «анекдотъ», если принять правильность расшифровки, даваемой Нащокинымъ. Онъ едва ли склоненъ былъ бы записать этотъ «анекдотъ», изображающій моральную побѣду Булгарина надъ Дельвигомъ, — который незадолго передъ тѣмъ умеръ и память котораго Пушкинъ высоко цѣнилъ, — даже въ томъ случаѣ, если-бъ фактъ самъ по себѣ былъ бы вѣренъ. Онъ совѣтъ не могъ этого сдѣлать, когда, — какъ мы теперь знаемъ изъ письма Рылѣева, — такая оцѣнка итога столкновенія совершенно не соответствовала действительности: на дѣлѣ Булгаринъ вышелъ изъ этого столкновенія побитой собакой.

Въ виду всего этого, намъ кажется безспорнымъ, что расшифровка, данная Нащокинымъ для инициаловъ пушкинскаго «анекдота», невѣрна, — что рѣчь въ послѣднемъ идетъ не о столкновеніи Дельвига съ Булгаринимъ. Мы не имѣемъ возможности оставаться здѣсь со всею необходимой полнотой на выясненіи причинъ, почему Нащокинъ допустилъ эту ошибку, — несмотря

на обычную точность его сообщений. Отметимъ только вкратчѣ, что причиною эти, повидимому, надо искать въ смѣшеніи Нащокинѣмъ двухъ различныхъ столкновеній, которыя Дельвингъ имѣлъ въ началѣ 1820-хъ гг. съ лицами, фамилии которыхъ начинались на букву Б., — а именно столкновения съ Булгаринѣмъ, къ которому имѣлъ прикосновение и самъ Нащокинъ и которое закончилось не къ чести Булгарина, — и столкновение съ уланомъ И. А. Болтинѣмъ, о которомъ рассказывалъ Пушкинъ въ своемъ «анекдотѣ» и въ которомъ моральнымъ побѣдителемъ оказался, дѣйствительно, не Дельвингъ. Объ этомъ послѣднемъ столкновении мы знаемъ изъ рассказовъ В. П. Гаевского въ его статьяхъ о Дельвингѣ⁵⁾. Для этихъ статей В. П. Гаевскій использовалъ рассказы многихъ людей, хорошо знавшихъ Дельвинга, — и его свидѣтельство совершенно несправедливо отброшено современными пушкиновѣдами. Принятіе его версій устранить отмѣченное выше противорѣчіе, дѣлающее «анекдотъ» Пушкина неправильнымъ и психологически непонятнымъ.

Письмо А. А. Бестужева-Марлинскаго отъ 7 августа 1830 года пополняетъ ту серію писемъ Бестужева къ Булгарину съ Кавказа, которая была опубликована въ февральской книжкѣ «Русской Старины» за 1901 г.: въ этой послѣдней были, въ числѣ другихъ, опубликованы письма Бестужева

отъ 15 мая, 10 июля⁶⁾ и 28 октября 1830 г., — первыя письма Бестужева къ Булгарину послѣ перерыва, вызваннаго декабрьскими событіями и ихъ послѣдствіями. Послѣ публикаціи печатаемаго ниже письма мы теперь знаемъ, повидимому, всё безъ исключенія письма Бестужева за 1830 годъ. Этотъ годъ — былъ первымъ годомъ жизни Бестужева на Кавказѣ, куда ему послѣ большаго усилія удалось вырваться изъ «Сибирскаго Соренто» (такъ онъ называлъ въ своихъ письмахъ Якутскъ). Въ Сибири его едва ли не сильнѣе всего томилъ невозможность печатать свои произведенія. Писалъ онъ и тамъ немало, — но все написанное оставалось безъ движенія. «Плоды моихъ авторскихъ порывовъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ братьямъ, — освобождая мой мозгъ отъ пламени воспаленнаго воображенія, служатъ для закуриванія трубокъ въ припадкѣхъ къ домашней экономіи». Переводъ на Кавказъ означалъ не только перемѣну мѣста ссылки, — но и полученіе возможности печатать свои произведенія. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Бестужевъ спѣшилъ эту возможность использовать и обращается за помощью въ этомъ дѣлѣ къ Булгарину, котораго передъ декабрьскими событіями считалъ однимъ изъ своихъ друзей. Съ какой быстротой онъ въ это время работалъ, — и это несмотря на то, что военная служба от-

⁵⁾ Эти статьи напечатаны въ № № 2 и 5 «Современника» за 1853 г.

⁶⁾ Въ печатаемомъ теперь письмѣ Бестужева это письмо фигурируетъ, какъ письмо не отъ 10 а отъ 7 июля.